

РОЖДЕНИЕ ОБРАЗА

Творческий портрет

Где бы и когда ни обсуждалась одна из последних (и, на мой взгляд, одна из самых значительных) работ Липецкого областного драматического театра — спектакль «Последний срок», стержнем разговора неизменно становится образ старухи Анны. Не только потому, что на взаимосвязях этого персонажа и остальных действующих лиц раскрывается замысел постановки. Но и потому, что никогда не пройдет зритель мимо тончайшего мастерства актрисы, создавшей сложный образ умирающей от старости женщины, за брэнной оболочкой которой вдруг раскрывается мир огромной нравственной силы, светлой любви к людям, к жизни.

Но, всматриваясь в бессильные движения Анны, прислушиваясь к слабому, глуховатому голосу старухи, догадаетесь ли вы, читатель, что в этой роли выступает актриса более чем вдвое моложе своей героини, да к тому же обладающая веселым, задорным характером? В товарищеских кругах многие обращаются к ней еще просто по имени... И когда на обсуждении спектакля перед вами встанет молодая, стройная, улыбкающая женщина, вы, наверняка, откажетесь узнать в ней Анну — уж слишком разителен контраст. Так оцените же высокое искусство перевоплощения Зинаиды Георгиевны Горячевой. Искусство, рожденное особым актерским качеством, которое еще А. П. Чехов назвал «умением отражать в своей душе чужую боль».

Липчанам легко проследить весь творческий путь Зинаиды Георгиевны: с первых шагов он проходит на липецкой сцене, куда немногим более десяти лет назад актриса пришла из Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. Но это только кажущаяся легкость. И если мы вспомним хотя бы некоторые сыгранные роли и на этом основании попробуем определить ее сценическое амплуа, то окажемся перед уравнением со многими неизвестными. В самом деле: девчонка-сорванец, задиристая Хеся из «Морали пани Дульской», и любящая, нежная, многопрощающая Варвара в спектакле «Дело, которому ты служишь». Грубая, растленная, глубоко страдающая от сознания этого и все-таки неспособная вырваться из породившего ее ада, Меланья в «Детях солнца» и мудрая, по-государственному мыслящая ткачиха Фомичева из «Моих надежд», в которой масштабность и простота слились в одно целое. Наконец старуха Анна.

Несложно обнаружить черты, резко отличающие этих героев друг от друга по возрасту, психологии, социальной значимости. Гораздо сложнее понять побудительные мотивы, которые привели режиссеров к решениям поручать столь разноплановые роли одной и той же актрисе.

— Гибкий талант, — говорит о ней режиссер Б. Голубицкий, — хорошо чувствующий режиссерский замысел, всегда вдумчиво и точно выполняющий его.

Впрочем, сама актриса не очень-то согласна с этим утверждением. И если режиссерские указания, по ее мнению, противоречат логике образа, она готова спорить, яростно защищать свою позицию и, бывает, убеждает в своей правоте.

Спросите З. Г. Горячеву, как удастся ей добиваться такой цельности созданных характеров, точности жеста, движения, интонации, и, виновато улыбнувшись, она промолчит. Не рассказывать же вам, скольких раздумий, тревог, душевной боли, а порой и горьких слез стоила ей, к примеру, работа над образом Меланьи, который поначалу ну никак не хотел поддаваться расшифровке. Не сосчитать... А не выскнув во внутренний мир персонажа, не обосновав логикой его характера каждый поступок, актрисе невозможно даже пытаться приступать к репетициям.

— Репетиции — это движения, мизансцены, отделка деталей, — рассказывает З. Г. Горячева. — Но прежде я должна одна, только наедине с собой прожить жизнь своей героини, как говорят, пропустить ее через свою душу. А когда ее боли, радости и стремления станут моими кровными, тогда сами придут и точная пластика, и точные интонации — ведь они будут моей собственной, а потому самой естественной для меня реакцией на сценические события. А главное, только тогда созреет то единственное слово, которое я хочу сказать зрителю своей работой, без которого я просто не вправе выходить на сцену. Поверьте, все это очень непросто. И знаете, после каждой новой работы я еще долго ощущаю в себе ее «остатки». Иной раз ловишь себя на том, что непроизвольно думаешь, а то и поступаешь не так, как это свойственно мне, Горячевой, а так, как думала бы, поступила моя героиня.

И с грустью добавляет:

— Наверное, это неизбежные издержки моей профессии, ее тернии.

На этом утверждении, пожалуй, нужно остановиться. Конечно, каждый актер по-своему работает над ролью, «вживается» в создаваемый характер. Однако, одни чаще всего подчиняют этот характер себе, своей человеческой индивидуальности, и тогда в каждом новом герое мы все же тотчас узнаем самого актера. Другие «ломают» себя, сами подчиняются сценическому характеру, и тогда происходит так называемое перевоплощение, при котором артист не только «отражает чужую «боль» но и по-настоящему переживает ее. Именно этот, беспощадный к актеру путь, оказался наиболее близким к особенностям таланта Горячевой. Но разве могут сравниться его «издержки» с той радостью, которую испытывает актриса, когда ее работы волнуют зрителей, будоражат их мысли и чувства. Разве не в этом заключена сущность, предназначение великого таинства — театра!

К. ГУРЕНКО.